

Алимурадов О. А.

ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ДИНАМИКИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ИНДИВИДА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/1.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 9-12. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

В настоящей статье мы постараемся кратко осветить специфику основных процессов, характеризующих динамику концептосферы языковой личности.

Смысл и значение как аспекты семантики вербальных единиц во всем богатстве их взаимоотношений неразрывно связаны со *структурированным ментальным образованием, имеющим системный характер, – концептом*. Рассмотрение связи концепта и смысла менялось по мере расширения сферы семантических исследований. Как инструмент анализа концепт зародился в рамках логики, в частности, в логике смысла и денотата, согласно которой концепт денотата некоторого типа α_n тождественен смыслу этого типа [Church 1951; Павиленис 1982; Лебедев 1998: 42; Микиргумов 1999: 154; Степанов 2002: 213 и след.].

Концепт, трактуемый как тождественный смыслу, представляет собой перспективу рассмотрения некоторого объекта или объектов. В основе такого видения концепта лежит смысл в понимании Г. Фреге. Необходимо учитывать, что не все объекты, составляющие базу для формирования концепта, обнаруживают одинаковый набор релевантных свойств. Тем не менее, некоторый изоморфизм свойств объектов, восприятие которых приводит к формированию концепта, является необходимым условием, невыполнение которого ведет к невозможности создания концепта.

Касаясь проблемы связи концепта и действительности, подчеркнем, что, по нашему мнению, действительность существует внутри мыслящего субъекта как "*поле опыта*", характеризующееся когерентностью, стройностью, системностью и индивидуальностью [Maturana 1978; Hinton, McClelland, Rumelhart 1986: 82-87; Макушинский 2002: 119]. Источники формирования такого поля – отдельные объекты действительности – являются *внешними* по отношению к этому полю и находятся *вне* индивида, который формирует соответствующее поле опыта. Необходимое условие создания последнего заключается в наличии у индивида сознания, представляющего собой *активную когнитивную систему*, функционирующую не хаотично, а в соответствии с определенным набором механизмов, правил или конвенций [Carruthers 1996]. Если это так, то, вырабатывая концепт некоего объекта, мы тем самым изменяем (упорядочиваем, структурируем, интерпретируем и систематизируем) ту новую информацию опытного порядка, которую только что получили, и которая составила новый фрагмент мыслимой нами действительности.

Концепты, которыми обладает и пользуется каждый отдельный индивид, упорядочены иерархически [Papafragou 1998: 4 и след.]. Наиболее важным фрагментом такой иерархии нам представляются *базовые концепты*, формирующиеся раньше других и представляющие собой основу для возникновения остальных элементов концептуальной системы. Список базовых концептов до сих пор не определен, и критерии его создания зачастую кажутся столь же неопределенными. Ответ на вопрос о том, что же именно собой представляет базовый концепт, должно дать комплексное исследование, перед которым будут стоять, как минимум, две принципиальные задачи:

1) диахронический анализ концептуальной системы отдельных языковых сообществ и, возможно, человеческого сообщества в целом. Без наблюдений над концептуальной системой человека в его развитии из ребенка во взрослого невозможно дать четкий и аргументированный ответ на вопрос о том, какие из концептов имеют *прямое отношение к базовому опыту*, приобретаемому в начале развития личности, а какие связаны с этим опытом лишь опосредованно, появившись позже, на базе исходных концептуальных сущностей;

2) сам факт зарождения на заре личностного развития не является достаточным критерием для отнесения того или иного концепта к базовым. Ещё одно необходимое условие базовости, на наш взгляд, – способность служить *фундаментом* для формирования относительно большого числа других концептов.

Только концепт, отвечающий двум перечисленным выше критериям, по нашему мнению, можно считать базовым. Вместе с тем, необходимо признать, что сама категория базовости достаточно относительна, так как путь развития отдельной языковой личности отнюдь не копирует путь развития того языкового сообщества, к которому эта личность принадлежит; следовательно, можно ожидать некоторых расхождений в перечне базовых концептов для отдельной личности и целого сообщества.

Касаясь вопроса о соотношении между системами объектов действительности, концептов и вербальных знаков, подчеркнем, что развитие множеств концептов и языковых единиц происходит *неодновременно* и по разным механизмам и законам, результатом чего и является отсутствие изоморфизма между их элементами. Если проводить анализ в обратном направлении, от языкового выражения к концепту, то здесь первостепенное значение имеют связи между концептами и семантические характеристики единиц языка. Связи между концептами обусловлены, в первую очередь, универсальными ассоциативными механизмами, которые активируются при интерпретации конкретного языкового знака. При этом активируются, более или менее рельефно проявляются смежные, ассоциативно связанные концепты.

С другой стороны, семантической стороне единиц языка также не свойственна гомогенность, вследствие чего при интерпретации могут активироваться *области* семантики языковых единиц. В силу этого, последние могут интерпретироваться в рамках также совершенно разных концептов. Необходимо учитывать также и то, что связи между концептами носят как *универсальный*, так и *лично обусловленный характер*,

следовательно, сопоставляя множества концептов и знаков языка, нужно говорить об отсутствии изоморфизма, о вариациях как на уровне универсальных ассоциаций, так и на уровне межконцептных связей, характерных только для отдельных индивидов.

Переходя на уровень соотношения между множеством внешних объектов и множеством концептов, следует отметить, что один из элементов множества концептов представляет собой только одну из перспектив рассмотрения некоторого объекта. На основе этого можно заключить, что для данного объекта существует более чем одна перспектива рассмотрения. Отсюда вытекает вывод о том, что восприятие одного объекта из соответствующего множества может давать почву для возникновения не одного, а нескольких концептов. Данный тезис ещё раз объясняет отсутствие изоморфизма и в другой паре множеств: концептов и языковых единиц. Действительно, языковые выражения, обозначающие некоторый объект, который дает базу для формирования нескольких концептов, в свою очередь, *вербализуют* также *различные концепты*.

Концепт является *структурированной* сущностью: к такому выводу мы приходим на основании анализа как теоретического, так и практического языкового материала, свидетельствующего о том, что концепт состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов – *областей концепта*. Следующий пример иллюстрирует то, как активизируется и находит проявление через языковые знаки одна из областей концепта ИСКУССТВО:

(1) ...Chagall suit les cours d'un artiste plus *novateur*: Mstislav Doboujinsky, qui, le *premier*, lui montre *des reproductions de Van Gogh et Cézanne*. C'est dans les locaux de la revue d'*avant-garde Apollon* que Chagall expose, au printemps 1910, *pour la premier fois* et participe à son *premier manifeste* en faveur d'un *art nouveau*, qui *fait scandale* aux yeux du peintre *conservateur* Répine, dont *l'académisme* faisait *loi*.

Un tel *courage* participait de *l'air du temps* et on peut considerer, avec le recul, qu'il *s'inscrivait pleinement dans une contemporanéité* européenne [Marchesseau 1995: 20].

Анализ семантики выделенных вербализаторов свидетельствует о том, что в (1) актуализируется область "модернизм", принадлежащая концепту ИСКУССТВО. О такой принадлежности упомянутой области свидетельствует присутствие среди языковых средств её выражения лексемы *art*, в то время как другие вербализаторы данной области перечисляют основные её характеристики. Прежде всего, модернизм характеризуется новаторством, о чем свидетельствуют такие сочетания как *novateur*, *premier*, *avant-garde*, *pour le premier fois*, *premier manifeste*, *nouveau*. Рассмотрим, например, следующую дефиницию лексемы *avant-garde*: "Groupe, mouvement artistique novateur, souvent en rupture avec se qui l'a précédé" [Le Petit Larousse 1994: 110]. Таким образом, строго говоря, *avant-garde* передает сразу две характеристики области "модернизм": как новаторство, так и разрыв, отход от предшествующих течений в искусстве. Новаторство модернизма предполагало также и конфликт со старым, косным, консервативным началом в искусстве. Естественно, такой разрыв не мог не вызывать отрицательной реакции у противоположной стороны, и отсюда следует, что конфликт с признанными авторитетами в области искусства требовал значительного мужества. Все эти характеристики передаются в тексте примера (1) следующими средствами: *fait scandale*, *conservateur*, *l'académisme*, *loi*, *courage*. Вместе с тем необходимо учитывать, что новизна любого течения крайне относительна, что модернизм отличался новаторством, но в то же время великолепно вписывался в атмосферу современной ему Европы, отвечал потребностям времени (*s'inscrivait pleinement dans une contemporanéité*, *l'air du temps*). Кроме того, важной характеристикой модернизма автор цитируемого отрывка считает и его связь с модным в ту пору течением импрессионизма, к которому отсылает сочетание *des reproductions de Van Gogh et Cézanne*.

Таким образом, языковые средства воплощения отдельной концептуальной области, с одной стороны, исчерпывающе *описывают основные характеристики* этой области, а, с другой, служат средствами её *включения* в концепт как сущность иерархически более высокого порядка, сигнализируя о связи этой области с другими элементами концептуальной системы.

Наличие у концепта разнообразных областей, спаянных в единое целое, предполагает два важных вывода:

1) между отдельными областями концепта с необходимостью должны существовать *связи*, в силу чего одна область может повлечь за собой формирование или активизацию другой. Следовательно, активизация некоторого концепта совсем необязательно предполагает переход в активное состояние всех его областей. Зачастую достаточно привести в действие только одну из таких областей, что в свою очередь влечет за собой индуцирование связанных с ней фрагментов концепта;

2) наличие у концепта отдельных областей свидетельствует о том, что при формировании этих ментальных сущностей рассматриваемый под определенным углом объект анализируется, у него выделяются определенные значимые с данной точки зрения *аспекты и характеристики*, усвоение которых и приводит к формированию областей концепта. Процесс формирования концепта идет постепенно, ступенчато; участие в формировании новых областей могут принимать как уже существующие концепты, так и некоторые сформированные области данного концепта, взаимосвязанные с областью, находящейся в стадии конструирования.

В нашей трактовке концепт рассматривается как сущность, гораздо более широкая и информационно нагруженная, чем фреговский смысл. Такое понимание концепта базируется на *интенциональности*, *направленности* ментальных процессов на объекты и / или ситуации, находящиеся как во внешнем мире, так и в структуре поля опыта данного индивида [Гуссерль 1999; Мотрошилова 2000; Олешков 2006]. Ключ-

чевой структурой, принимающей участие в процессе формирования концепта на основе восприятия объекта или ситуации, является *подвижная точка фокуса интенциональности*, при восприятии "считывающая" информацию с отдельных сторон объекта, попадающего в поле её действия.

Направление перемещения ТФИ восприятия определяется комплексом *психологических, культурных и языковых* факторов, в результате чего подлежащий перцепции объект воспринимается разносторонне. При этом информация, поступающая через ТФИ, движимую культурными факторами, имеет оценочный характер.

Не все области концепта находятся на одинаковой ступени *иерархии*, в связи с тем, что одни из них образуются раньше, а другие – позже. Вследствие этого, одни из областей более конкретны, а другие более абстрактны и формируются на базе областей, уже существующих. Из сказанного следует, что, в зависимости от степени абстракции формируемой области, точка фокуса интенциональности восприятия может быть нацелена либо только на воспринимаемый объект, либо на объект и отдельные концептуальные области, либо же только на уже существующие области соответствующего концепта.

Ведущая роль в процессе вербальной репрезентации концепта также принадлежит точке фокуса интенциональности, но уже относящейся не к восприятию, а к вербализации. В этом процессе при движении вдоль *областей* концепта ТФИ вербализации по необходимости может подниматься или опускаться на более высокий или более низкий уровень абстракции. Возможны также случаи, когда ТФИ вербализации будет слабо сфокусирована, в результате чего в её сферу попадет весь концепт, а не отдельная его область. Подвижность ТФИ вербализации обеспечивается *макростратегией* генерации высказывания, в котором вербализуется та или иная область концепта. Поскольку критерии, обуславливающие направление движения точки фокуса интенциональности и, следовательно, выбор области концепта, подлежащей вербализации, включают в себя сведения о *типизированных* событиях и взаимодействиях, релевантных для данного коммуникативного акта, вербализация определенной области концепта должна идти через посредство *фрейма*, соотнесенного с данной областью. Причиной этого является специфика фрейма как структуры, содержащей упорядоченные, структурированные данные относительно класса типичных ситуаций [Minsky 1980; Шингарева 1982: 4]. До этапа собственно вербализации считанная с выбранной области концепта информация подвергается анализу в рамках фрейма, соотнесенного данной области [см. в этой связи Barsalou 1992]. Таким образом, информация, подлежащая репрезентации посредством знаков языка, во фрейме упорядочивается, приобретает структуру, *подобную структуре той ситуации*, описать которую предстоит говорящему.

По завершении этапа анализа упорядоченная информация поступает в структуру *тезауруса*, ответственную за подбор подходящего вербализатора для данного информационного заряда. На этом этапе происходит процесс собственно вербализации некоторой области концепта или отдельного фрагмента этой области, в зависимости от широты охвата ТФИ вербализации. В конечном счете, область некоторого концепта получает реализацию при помощи *значения и окказионального смысла* [см. подробнее Алимуратов 2003] фрагмента высказывания в процессе коммуникации. В зависимости от размеров того массива информации, который был считан ТФИ вербализации, его семантическую репрезентацию может также осуществлять и *глобальный смысл* соответствующего высказывания или текста.

Процесс интерпретации языковых знаков с последующей активизацией соответствующей им концептуальной сущности протекает по примерно аналогичным принципам, что и вербализация. Ведущую роль в этом процессе вновь играет точка фокуса интенциональности, на этот раз регулирующая интерпретацию. Факторами подвижности в данном случае являются также компоненты макростратегии, отличные от существующих у говорящего. Следовательно, имеет смысл говорить о существовании макростратегий как для говорящего, так и для слушающего. ТФИ интерпретации направлена на семантику актуализированных в речи вербализаторов концепта: речь может идти либо о значении, либо о его комбинации с окказиональным смыслом, либо же только об окказиональном смысле вербализатора. Отметим также, что в некоторых случаях ТФИ интерпретации может быть направлена и на глобальный смысл высказывания или текста.

Считанная описанным способом информация проходит путь, обратный пути, имеющему место при вербализации. Этап первоначальной интерпретации через тезаурус абсолютно необходим для упорядочивания считанной информации, поскольку теперь последняя имеет вербальный характер, перед её поступлением во фрейм. На последнем этапе интерпретации информация достигает соотнесенного фрейму концепта, в структуре которого попадает в соответствующую область последнего, вызывая тем самым его активизацию. Отметим, что вербализованная говорящим и активированная в результате интерпретации слушающим концептуальные области зачастую могут быть *неизоморфными*.

Список использованной литературы

1. Алимуратов, О.А. Смысл. Концепт. Интенциональность: Монография [Текст] / О.А. Алимуратов. – Пятигорск: ПГЛУ, 2003.
2. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии [Текст] / Э. Гуссерль / Пер. с нем. – Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
3. Лебедев, М.В. Стабильность языкового значения [Текст] / М.В. Лебедев. – М.: Эдиториал УРСС, 1998.
4. Макушинский, А.В. Современный "образ мира": действительность [Текст] / А.В. Макушинский // Вопр. философии. – 2002. – № 6. – С. 119-136.

5. **Микиртумов, И.Б.** Интенциональная характеристика функции в логике смысла и денотата [Текст] / И.Б. Микиртумов // Логические исследования (Вып. 6). – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – С. 153-162.
6. **Мотрошилова, Н.В.** Интенциональность в "Логических исследованиях" Э. Гуссерля [Текст] / Н.В. Мотрошилова // *Вопр. философии*. – 2000. – № 4. – С. 138-157.
7. **Олешков, М.Ю.** Моделирование коммуникативного процесса: Монография [Текст] / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. соц. - пед. академия, 2006.
8. **Павиленис, Р.И.** Язык, смысл, понимание [Текст] / Р.И. Павиленис // *Язык, наука, философия: логико-методологический и семиотический анализ* / Отв. ред. и сост. Р.И. Павиленис. – Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН Литовской ССР, 1982. – С. 240-263.
9. **Степанов, Ю.С.** Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) [Текст] / Ю.С. Степанов / Под ред. Ю.Н. Караулова / 2-е изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
10. **Шингарева, Е.А.** О двух направлениях представления семантики текста (тезаурус и фрейм) [Текст] / Е.А. Шингарева // *НТИ*. – Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1982. – № 8. – С. 1-8.
11. **Barsalou, L.W.** Frames, Concepts, and Conceptual Fields [Текст] / L.W. Barsalou // *Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantics and Lexical Organization* / Ed. by A. Lehrer and E.F. Kittay. – London-Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1992. – P. 21-74.
12. **Carruthers, P.** Language, Thought and Consciousness: An Essay in Philosophical Psychology [Текст] / P. Carruthers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
13. **Church, A.** A Formulation of the Logic of Sense and Denotation [Текст] / A. Church // *Structure, Method and Meaning. Essays in honor of H.M. Sheffer*. – NY: The Liberal Arts Press, 1951. – P. 3-24.
14. **Hinton, G. E., McClelland, J. L., Rumelhart, D. E.** Distributed Representations [Текст] / G.E. Hinton, J.L. McClelland, D.E. Rumelhart // *Parallel Distributed Processing: Explorations in the Microstructure of Cognition. Volume I. Foundations* / Ed. by D.E. Rumelhart & J.L. McClelland – Cambridge: MIT Press, 1986. – P. 77-109.
15. **Maturana, H.R.** Cognition [Текст] / H.R. Maturana // *Wahrnehmung und Kommunikation* / Ed. by Peter M. Hejl, Wolfgang K. Köck & Gerhard Roth. – Frankfurt: Peter Lang, 1978. – P. 29-49.
16. **Minsky, M.** A Framework for Representing Knowledge [Текст] / M. Minsky // *Frame Conception and Text Understanding* / Ed. by D. Metzger. – Berlin-NY: Walter de Gruyter, 1980. – P. 3-25.
17. **Papafragou, A.** Experience and Concept Attainment: Some Critical Remarks [Текст] / A. Papafragou // *UCL Working Papers in Linguistics*. – 1998. – Vol. 10. – P. 1-33.
18. **Le Petit Larousse en Couleurs** [Текст]. – Paris: Larousse, 1994.
19. **Marchesseau, D.** Chagall: Ivre d'Images [Текст] / D. Marchesseau. – Paris: Découvertes Gallimard, 1995.

ЖАНР РОМАНА В КРИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ И. И. ВВЕДЕНСКОГО

Ануфриева М. А.

Томский государственный университет

Имя Ириарха Ивановича Введенского литературовед, скорее всего, связывает в сознании с историей художественного перевода. Но Введенский был не только известным переводчиком своего времени, но и преподавателем русской словесности, критиком, журналистом, историком и теоретиком литературы. Тематика его статей разнообразна: это исторические и этнографические статьи, статьи, посвященные вопросам эпоса и романа, а также проблематике, связанной как с русской, так и зарубежной литературой, статьи, затрагивающие проблемы методики преподавания русского и английского языков и др.

В рамках данной статьи из всего многообразия работ Введенского остановимся на тех, в которых он рассуждает о жанре романа. Интерес Введенского к этому жанру не случаен. Время, когда он писал свои статьи, а именно 40-е-50-е гг. XIX в., принадлежало к эпохе становления и развития крупных эпических форм повествования в русской литературе. Роман, являющийся, по выражению Белинского, «эпосом нового времени», становится в эти годы центральным жанром русской литературы XIX в. Следовательно, закономерным является то, что Введенский, не отличаясь пристрастием к одному определенному писателю, почти всегда выбирал для перевода свой излюбленный жанр – роман – и посвятил ему часть критических статей.

Проблематика, связанная с жанром романа, в работах Введенского зачастую тесно переплетается с вопросами, посвященными английской литературе, и это неудивительно, если принять во внимание тот факт, что он переводил романы английские. Одна из подобных литературно-критических работ – это занявший три статьи разбор «Очерка английской литературы» («*Outlines of the English Literature*»), написанный Томасом Шоу (Shaw; у Введенского: Ша). В целом можно сказать, что данный разбор – гимн (другое слово трудно подобрать) английской литературе и в более широком масштабе – английской культуре: «Нельзя не знать, не помнить, и не сознаться при всем пристрастии русского человека к французскому уму и французским книгам, что английская литература – первая литература в мире...» [Введенский 1847: 2]. Завершив свой дифирамб английской духовно-интеллектуальной жизни, Введенский приступает к пересказу «Очерка» Шоу. Он начинает с XIV века, времени, с которого, по его мнению, началась английская литература, а начал ее Чосер, произведения которого отмечены признаками подражания иностранным образцам. Далее Введенский переходит к поэтам и драматургам Возрождения, при этом опуская Шекспира как уже известного в России. Он лишь упоминает о нем мимоходом, точнее, о его драме, утверждая, что «драма Шекспира собственно не что иное как роман драматизированный» [Введенский 1847: 17]. Затем Введенский рассуждает о романе как о новейшем эпическом жанре, отличительной форме литературы новой Европы. Достоинство новейшей литературы Введенский видит в отсутствии подражания классическим образцам, и такая «неис-